

18+

Сашиа Изин

Первый ход
тайного
советника
Фаустова

Роман-история
о грустном
шашечном мире

Саша Игин

**Первый ход тайного советника
Фаустова. Роман-история
о грустном шашечном мире**

«Издательские решения»

Игин С.

Первый ход тайного советника Фаустова. Роман-история о грустном шашечном мире / С. Игин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694209-7

Этот Роман — история о том, как гений одного человека, служащего Российской Империи на высоком посту, в тайне от всех создает фундамент для целой народной игры, стремясь «облагородить» азартные шашки и подарить России интеллектуальное достояние. Герой — Фома Фаустов не революционер, он реформатор и систематизатор. Его борьба — не с режимом, а с предрассудками и небрежением к культурному достоянию народа.

ISBN 978-5-00-694209-7

© Игин С.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Фома Фаустов: Игра судьбы «Северного Филидора»	6
Часть 1: Два мира	7
Глава первая. Тайный советник и деревянные солдаты	7
Глава вторая. Народная стихия	9
Глава третья. Вызов и идея. Мысли о систематизации хаоса	11
Часть 2: Эксперимент	13
Глава четвертая. Испытание теорией	13
Глава пятая. Тайные партии	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Первый ход тайного советника Фаустова **Роман-история о грустном шашечном мире**

Саша Игин

© Саша Игин, 2026

ISBN 978-5-0069-4209-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Фома Фаустов: Игра судьбы «Северного Филидора»

В центре историко-биографического романа «Фома Фаустов» – личность колоссального масштаба, чьё имя долгое время оставалось в тени великих современников, хотя его влияние пронизывало самые разные слои русской жизни. Прототип главного героя, Александр Дмитриевич Петров (1794—1867), – фигура уникального синтеза, где гений аналитического ума сочетался с государственной мудростью, а страсть к интеллектуальной игре – с литературным даром.

Он был одним из сильнейших шахматистов планеты первой половины XIX века, человеком, бросившим вызов европейским корифеям и заслужившим звучное прозвище «**Северный Филидор**». Но для России его роль выходила далеко за пределы игровых столиков. Петров стал **основателем первой национальной шахматной школы и пионером русской шашечной теории**. В 1824 году он издал свой магnum opus – «Шахматная игра», первую оригинальную русскоязычную книгу о шахматах. Этот труд попал в библиотеки величайших умов эпохи: Александра Пушкина, Ивана Тургенева, Николая Чернышевского. На экземпляре, подаренном поэту, сохранилась трогательная надпись: *«Милостивому государю Александру Сергеевичу Пушкину в знак истинного уважения. От создателя»*. Это не просто дар – это диалог титанов, символ признания интеллектуального спорта как высокого искусства.

Его энергия была созидательной: Петров стоял у истоков **первого в России шахматного клуба**, создавая пространство для избранного братства мыслителей. Не менее значимы его заслуги в мире шашек: его «Руководство к основательному познанию шашечной игры» стало краеугольным камнем для этой игры. Именем Петрова названы классические стратегические схемы – **«Треугольник Петрова»** в эндшпиле и дебют **«Игра Петрова»**, в народе известный как «уголки».

Но за шахматной доской стояла и другая, официальная жизнь – жизнь успешного государственного деятеля, **тайного советника**, управлявшего сложными механизмами империи. Эта двойственность – страстный, новаторский ум в строгом мундире чиновника – составляет нерв романа. Его судьба оказалась трагически зеркальна судьбам многих русских гениев: уйдя из жизни от апоплексического удара в Варшаве и будучи похороненным на православном кладбище, он со временем лишился даже вещественной памяти – **его могила была утрачена**.

В романе «Фома Фаустов» история Александра Петрова становится больше, чем биографией. Это исследование пути человека, который в условиях самодержавной России сумел превратить игру в науку, страсть – в культурный проект, а своё служение – в незаметный, но прочный фундамент для будущих поколений. Это история о том, как интеллект и воля способны оставить след, который не стирается временем, даже когда стираются надгробия.

Саша Игин – Член Российского союза писателей.

Часть 1: Два мира

Глава первая. Тайный советник и деревянные солдаты

Петербург, 1840-е годы.

Кабинет в здании Министерства финансов на набережной Мойки был погружен в солидную, почти монастырскую тишину. Лишь равномерное тиканье маятника часов в золоченом корпусе да редкое шуршание бумаг нарушали безмолвие. За тяжелым красного дерева письменным столом, уставленным папками с гербами Российской империи, сидел тайный советник Фома Александрович Фаустов.

Он был воплощением импозантности: высокий лоб мыслителя, тщательно подстриженные бакенбарды с проседью, умело скрывавшие крутое очертание челюсти, и спокойные, пронзительно-

Но закончив фразу, Фома Александрович отложил перо и, сняв золотые очки в тонкой оправе, поднес пальцы к переносице. Внешне – легкая усталость от долгого сосредоточения. Внутренне – то самое чувство, которое в последние месяцы посещало его все чаще: чувство глухого, назойливого однообразия.

Вот он, Фаустов. Тайный советник, чьи мнения по финансовым вопросам выслушивает сам министр. Автор знаменитого дебюта «Защита Фаустова», перевернувшего представление о безопасности королевского фланга и сделавшего его имя известным в шахматных клубах от Парижа до Лондона. Вечером его ждет Английский клуб на Дворцовой, темно-зеленая суконная скатерть, тонкий хрусталь для бордо и тихая, изысканная партия с бароном фон дер Гольцем, приехавшим из Берлина специально, чтобы испытать его новую идею в испанской партии.

Именно это «и» было сутью его жизни. Государственная служба и шахматы. Расчет бюджетный и расчет шахматный. Одна сложнейшая комбинация сменяла другую. Мир закрытой, блестящей элиты, где говорят на языке цифр и ладьей, где каждый жест, каждый ход – часть бесконечной, строго регламентированной игры.

Он взглянул в окно. За стеклом, под низким петербургским небом, застыла в январском морозе набережная. Извозчики, купцы, чиновники поменьше чином – весь этот живой, шумный, немного неуклюжий мир был отделен от него не только стеклом, но и невидимой стеной. Он управлял их финансовой судьбой, он мог предугадать тридцать ходов вперед в партии с гроссмейстером, но сам был словно заперт в изящной, идеально выточенной ловушке собственного статуса.

В ящике его стола, в самом дальнем углу, под важными бумагами, лежала тонкая, самодельная тетрадь в кожаном переплете. Не шахматные записи. Не финансовые отчеты. А схемы, странные на первый взгляд: доска не восемь на восемь, а... иная. С другими правилами, другой логикой. На полях – пометки: «Простота?», «Народная игра?», «Доступность – не синоним примитивности». Это была его тайная отдушина, почти ребячество. Мысли о другой игре, где не король – центр вселенной, а каждая шашка, каждый «простой солдат» мог стать героем. Игре, которую могли бы понять и полюбить не только избранные в бальных залах, но и купец в трактире, и студент в бедной комнатке, и офицер на постое. Игре без многовекового груза шахматной традиции, где можно было бы дышать свободнее.

На столе, рядом с папкой по табачным акцизам, лежал свежий номер «Полицейской газеты». Его взгляд упал на мелкую заметку в углу: «В трактире „Ямайка“ на Васильевском острове местный любитель обыграл заезжего марсельского моряка, давшего сеанс одновре-

менной игры, причем использовал любопытный начальный ход, в среде игроков именуемый „городской“...»

Фома Александрович медленно взял газету. Уголки его губ дрогнули в подобии улыбки. Не «защита Руи Лопеса» или «гамбит Эванса». А «городской» ход. Из трактира. Из жизни.

Пробили куранты где-то вдали. Время государственных дел истекло. Скоро начнется время шахмат. Он аккуратно сложил газету, спрятал ее в портфель поверх официальных бумаг и позвонил в колокольчик. Вошел бесшумный секретарь.

– Карету в семь к Английскому клубу, – сказал тайный советник, и голос его прозвучал ровно и бесстрастно, как и положено.

Но когда секретарь вышел, Фома Александрович снова открыл ящик стола, на мгновение коснувшись пальцами уголка кожаной тетради. Усталость от закрытого мира была не просто усталостью. Она была зовом. Зовом к чему-то новому, простому и гениальному одновременно. К игре, которая, быть может, станет не его личным триумфом, а достоянием целой страны. Но это были мысли на будущее.

А пока – предстояла партия с фон дер Гольцем. Нужно было быть собранным. Нужно было выиграть.

Глава вторая. Народная стихия

Осенний ветер гнал по петербургским мостовым пожухлые листья и бумажный сор. Карета тайного советника Фомы Фаустова подпрыгивала на брусчатке, отбивая дробный такт, созвучный его мыслям. Он возвращался с заседания в министерстве, где в очередной раз обсуждались вопросы народного просвещения. Слова, слова, бумаги, проекты... И все это – в стенах кабинетов, в отрыве от той самой живой, пульсирующей России, о благе которой так пеклись.

От скуки Фома приоткрыл запотевшее окно. Промозглая сырость ворвалась внутрь, но вместе с ней – и звуки города: крики разносчиков, скрип телег, отдаленный перезвон колоколов. Карета замедлила ход у Измайловских казарм, пропуская конный разъезд. И тут его взгляд, скользнув по мрачноватым фасадам, поймал яркое пятно жизни.

В раскрытых дверях трактира «У егеря», из которых валил густой пар и слышался гул голосов, кучка людей столпилась вокруг небольшого столика. Солдаты в расстегнутых мундирах, мастеровые, бородатый извозчик – все сгрудились, забыв о кружках и чарках. На лицах – напряжение, в позах – оцепенение. Фома приказал кучеру остановиться. Любопытство, холодное и аналитическое, свойственное его уму, затмило на мгновение усталость.

Он вышел из кареты, запахнувшись в шинель, и приблизился к трактиру. Его дорогой костюм и осанка заставили нескольких человек у входа посторониться, но увлечение было столь сильно, что на самого советника почти не обратили внимания.

На грубо сколоченном столе лежала доска, расчерченная на неровные клетки куском угля. Фигуры – простые, стесанные деревянные кружки, часть из которых была обожжена для черноты. Но игра... Игра была необычайно напряженной. Двое играющих – молодой солдат с умным, остроносым лицом и плотный ремесленник – не отрывали глаз от доски. Время от времени один из них резко передвигал свою шашку, и толпа взрывалась одобрительным гулом или разочарованным ворчанием. На краю стола лежали медные пятаки – скромные, но для этих людей значительные ставки.

«Азарт, – холодно отметил про себя Фома. – Примитивная игра бедняков на деньги». Он уже собирался уйти, пресытившись этим зрелищем грубой народной забавы. Но его взгляд, привыкший выхватывать суть из хаоса, вдруг зацепился за сам процесс.

Солдат сделал ход. Ремесленник, казалось, уже готовился схватить свою добычу, но, всмотревшись, замер. Его рука повисла в воздухе. Он потер лоб, перевел взгляд на другую часть доски. Прошла минута тягостного молчания. Толпа затихла. И тогда ремесленник, к всеобщему удивлению, пошел совсем другой фигурой.

В голове Фомы Фаустова, словно вспышка, мелькнула догадка. Это был не просто ход. Это был *ответ*. Ответ на некую скрытую угрозу, на ловушку, расставленную на несколько ходов вперед. Примитивные кружки на угольной сетке вдруг обрели стройность, логику, *закономерность*. Он увидел не просто толпу, спорящую из-за пятак, а два ума, состязающиеся в предвидении.

Солдат, явно ожидавший иного развития, нахмурился. Его пальцы стали выбивать нервную дробь по краю стола. Он начал просчитывать варианты. И Фома, сам того не замечая, включился в эту работу. Его аналитический ум, отточенный на государственных отчетах и философских трактатах, мгновенно начал моделировать возможные продолжения. «Если он пойдет сюда – противник ответит туда, открывая фланг. Но если он пожертвует эту шашку... да, тогда возникает вилка, угроза с двух сторон...»

Игра закончилась неожиданной ничьей, что было редкостью в этих азартных поединках. Спор о ставках утих, и игроки, уже как соратники, начали живо обсуждать ключевой момент партии. Фома прислушался. Они говорили на своем, жаргонном языке: «зацепка», «косяк»,

«дача». Но за этими грубоватыми словами угадывалась сложная система представлений о силе и слабости, о контроле над полем, о жертве и возмездии.

Кто-то из толпы, заметив пристальный взгляд хорошо одетого барина, с вызовом спросил:

– Что, ваше благородие, изволите подсмотреть? Или, может, сами хотите попробовать?

Денег не жалко?

Вокруг засмеялись. Фома не смутился. Слегка улыбнувшись, он покачал головой.

– Нет, благодарю. Я просто наблюдаю. Интересная у вас игра.

– Игра как игра, – отмахнулся солдат. – От скуки коротаем.

– А есть в ней правила записанные? Какие-нибудь... стратегии? – осторожно поинтересовался Фома.

Его вопрос повис в недоуменном молчании.

– Какие стратегии? – хмыкнул ремесленник. – Чуйка да сноровка. Деды наши так играли, и мы играем.

Но солдат, тот самый, с умными глазами, вдруг возразил:

– Как какие? Вот ты, Антип, всегда центр держишь. А я по краям люблю пройти. Или вот «обратные гусары» – это разве не способ?

Начался оживленный спор, в котором мелькали уже не просто слова, а термины, пусть и причудливые, но обозначающие конкретные приемы и положения. Фома слушал, и в нем росло странное, волнующее чувство. Он стоял у истока. У истока стихии. Эта игра, рожденная в казармах, на постоянных дворах, в деревенских избах, была подобна дикому ручью – мощному, но бесформенному. В ней бурлила неосознанная, народная мудрость, интуитивная логика, природная смекалка. Но ей не доставало системы. Языка. Теории.

Он видел в этой примитивной доске с обожженными кружками не просто забаву. Он видел *потенциал*. Потенциал для ума, для воспитания логического мышления, для интеллектуального досуга, доступного любому – от солдата до сановника. Игру, которая могла бы стать мостом меж сословиями, школой стратегии в миниатюре, отражением самой жизни, где простота начальных условий лишь подчеркивает бездну возможных комбинаций.

Ночь Фома провел беспокойно. Перед его глазами все стояла та угольная доска. На столе в кабинете, среди томов Вольтера и Канта, лежал лист чистой бумаги. Взяв перо, он вывел твердым почерком: «Заметки о народной игре в шашки. Феномен интуитивной комбинаторики в низших сословиях». Он сделал первую пометку, затем вторую, третью... Рождался план.

Случайность ли привела его к дверям того трактира? Теперь, глядя на исписанные листы, Фома Фаустов понимал: нет. Это было предназначение. Он, чиновник, философ, слуга государства, нашел свое настоящее дело не в канцеляриях, а в народной стихии. Ему предстояло не изобретать, а открывать. Не навязывать, а изучать, систематизировать и возвести стихийный ручей в ранг полноводной реки. Ручей бил из самой толщи народной жизни. И он, Фома Фаустов, должен был стать его проводником в мир Культуры. Так, с наблюдения за азартной игрой у Измайловских казарм, начался его путь – путь основоположника.

Глава третья. Вызов и идея. Мысли о систематизации хаоса

Кабинет тайного советника Фомы Фаустова был оазисом строгого порядка. Высокие шкафы с папками, расчерченные ровными линиями бухгалтерские книги, бронзовые часы, отбивавшие время с пунктуальностью гвардейского караула. Здесь, в сердце финансовой машины губернии, царила предсказуемость. Каждая копейка – на счету, каждая операция – по регламенту. Сам Фома Александрович был воплощением этого порядка: сутуловатая, но не согбенная фигура, тщательно выбритые щеки, пронзительный, уставший взгляд из-под очков. Мир цифр был ему понятен, подконтролен и... постепенно становился невыносимо тесен.

Мысль о шашках, словно назойливая муха, проникла в эту идеальную тишину и не давала покоя. Она засела где-то между подсчетом годовых поступлений и составлением отчета о сборе податей. Не сама игра – Фома Александрович играл в детстве, как все, – а ее дикий, неупорядоченный мир. Мир, обнаруженный в душном кабачке. «Играют все, а правил общих – нет. Хаос», – записал он однажды вечером на клочке промокательной бумаги, и эти слова стали для него вызовом, равнозначным обнаружению казнокрадства в отчетности.

Идея вызревала медленно, как редкий цветок в каменном дворе. Она началась не с порыва, а с любопытства чиновника, привыкшего докопаться до сути. Если есть явление столь массовое, оно должно быть описано, классифицировано, упорядочено. Систематизировать хаос – вот задача, достойная ума.

Первые сведения он стал собирать тайно, почти стыдясь. Это было не дело государственной важности, не служебное поручение. Это была личная, почти интимная миссия. Фома Фаустов превратился в тихого шпиона, слушателя, коллекционера.

Он заводил «случайные» разговоры с мелкими чиновниками из других канцелярий: «А как в вашей деревне, Иван Сидорович, в шашки-то бьют? Дамочку с угла ходят?». Приказывал кучеру Пахому, старому служаке, объезжать по пути из присутствия не самые парадные улицы, где у заборов на обрубках дерева собирались мастеровые. Сам Фома Александрович не выходил из экипажа, но приоткрывал окно и слушал: крики, спор, звк костяных шашек о доску, обрывки фраз: «Так нельзя, у нас в Семеновке с дамкой назад ходить можно!», «Эка невидаль! А у нас дамку и вовсе „летучей“ зовут, она через всю доску!».

Он узнал про «поддавки» – игру, где цель не побить, а отдать все свои шашки противнику. Узнал и изумленно покачал головой. Какая странная, вывернутая наизнанку логика! Узнал про «обратные шашки», где начальная расстановка иная, про «уголки», про местные запреты на те или иные ходы. Каждый городишко, каждое село жило в своем собственном шашечном микрокосме. Это было хуже, чем отсутствие единой монетной системы. Это был вавилонский столп на шестидесяти четырех клетках.

Его верный спутник – кожаная записная книжка в сафьяновом переплете, куда он ежедневно заносил служебные заметки, – стала постепенно преобразовываться. Ряд с аккуратными колонками: «Недоимка по Кузнецкому уезду – 234 р. 17 к.», «Расход на мощение Белгородской улицы – смета», вдруг прерывался. Через несколько страниц, словно прорвавшаяся тайная река, появлялись другие записи:

«22 апреля. Беседа с столоначальником Михеевым, уроженцем Рязанской губ. Там правило: побитая простая шашка противника не снимается с доски до конца хода. Считается „раненой“, мешает движению. Называют „заварушка“. Абсурд с точки зрения чистоты игры, но... логика в этом есть. Запутывает. Делает игру шумнее».

«3 мая. От Пахома: в кабаках на окраинах играют на „столбовые“ шашки. Побитая шашка не убирается, а подставляется под бьющую, образуя „столб“. Чем выше столб, тем

„сильнее“ дамка. Дикое, но зрительное увлечение. Более походит на детскую забаву, нежели на игру для ума».

«10 мая. „Поддавки“. Цель – лишиться всех сил. Философия поражения как победы. Глубокомысленно и порочно. Изучить механику. Возможно, тренирует видение жертв».

Он начал делать первые наброски. Не правила еще, а попытки нащупать костяк, некий универсальный закон, который должен был лежать в основе любой достойной варианта игры. На чистом листе, после сведений о прокладке нового водопровода, он чертил диагональную сетку. Рисовал стрелки, помечал клетки. Искал не региональный курьез, а Идеальную Форму.

«Основа, – вывел он каллиграфическим почерком, – есть клетчатая доска в 64 поля. Шашки двух цветов, занимают первоначально темные поля первых трех горизонталей с каждой стороны. Ход – по диагонали вперед. Бой – через шашку противника, с обязательным взятием, если оно представлено. Достигнув последней горизонтали, простая шашка превращается в дамку, получая расширенные права движения и боя. Цель – лишить противника всех шашек или возможности хода».

Он откинулся на спинку стула, снял очки и протер глаза. Перед ним лежало сухое, безжизненное перечисление. Скелет. Но это был *его* скелет, выстроенный из хаоса. В этих строчках не было места ни «заварушке», ни «столбовым» шашкам, ни «летучим» дамкам. Здесь была строгость, ясность, математическая красота. Красота, которую он, финансовый чиновник, мог понять и оценить.

Фома Александрович взглянул на часы. Было далеко за полночь. За окном спал губернский город, а в его кабинете, среди папок с отчетами, только что родился на свет первый, робкий, но неумолимо логичный свод правил для русских шашек. Он еще не знал, что эта запись в книжке рядом с финансовыми отчетами станет краеугольным камнем. Что скелету предстоит обрести плоть теории, стратегии, дебютов. Что это начало долгого пути.

Он аккуратно закрыл записную книжку, положил ее в ящик стола поверх папки с грифом «Секретно». В тишине кабинета прозвучал его собственный, тихий голос:

– Порядок должен быть во всем. Даже в игре.

Вызов был принят. Идея – сформулирована. Теперь начиналась работа.

Часть 2: Эксперимент

Глава четвертая. Испытание теорией

Санкт-Петербург, 1878 год.

Комната Фомы Фаустова походила на лабораторию безумного алхимика, только вместо реторт и склянок – груды исписанных листов, доска в постоянной готовности и тикающие на полке часы, отмерявшие время, которого вечно не хватало. Воздух пах пылью, чернилами и лампадным маслом. По ночам, когда город затихал, Фома Александрович погружался в свой мир – мир из шестидесяти четырех клеток и двадцати четырех простых шашек.

Именно здесь, в этой тиши, он начал свое великое «испытание теорией».

Он смутно чувствовал, что в шашках, этой, казалось бы, приземленной игре простодушинов, скрыта та же математическая стройность, что и в шахматах. Но где искать эту стройность? С чего начать? Его ум, отточенный шахматными стратегиями, искал точку опоры.

Он начал с центра.

«В шахматах владение центром – владение всей доской, – говорил он себе, расставляя фигуры. – Но здесь нет королей и ферзей. Здесь – плоские кружочки,двигающиеся только вперед. Что есть центр в шашках?»

Он моделировал позицию за позицией. Ставил в центр свои шашки, пытался захватить его шашками противника. И обнаружил первое: центр в шашках – не поле, а *потенциал*. Шашка, стоящая в центре на пятом или шестом ряду, контролирует не квадраты, а *направления*. Она – узел, связывающий фланги. Она дает возможность быстрого переброса сил, она менее уязвима, она диктует темп. Запись в его черновике от 12 марта 1878 года гласила: «*Шашечный центр – это не точка, а зона влияния. Кто контролирует середину доски, тот управляет скоростью развития. Скорость же есть всё*».

«Развитие!» – вот второе слово, выжженное в его сознании шахматным опытом. В шашках не развивали легких и тяжелых фигур. Здесь развивали *систему*. Фома часами изучал дебютные построения, известные тогда как «игры»: «Старую», «Обратную городскую», «Кол». Он видел не набор ходов, а принцип: каждая шашка должна идти на свою, строго определенную клетку, как солдат в каре. Но зачем? Его анализ показал: цель – не просто занять позицию, а обеспечить *взаимную поддержку* и *последующий прорыв*. Незрелая, застрявшая в тылу шашка – мертвый груз. «Развитие в шашках, – формулировал он, – это создание живых, подвижных связей между всеми силами. Цепь. Разорви одно звено – рухнет вся конструкция».

Но главным открытием стало комбинационное зрение.

В шахматах комбинация – яркая вспышка, часто жертва, ведущая к молниеносному удару. В шашках всё было иначе, глубже, как подземные воды. Комбинация здесь зрела исподволь, подготавливалась за десять, пятнадцать ходов. Фома разбирал старые партии мастеров, выискивая моменты, где игра внезапно взрывалась серией обязательных, как закон природы, ударов. Он начал вычленять типовые элементы: «роздых» (предоставление хода), «любки» (вынужденный размен), «прорыв» в дамки.

И вот здесь его ждали первые открытия.

Сила дамки. Все знали, что дамка сильна. Но *насколько*? Фома серией экспериментов с эндшпилем (он одним из первых начал систематически изучать окончания) доказал: дамка – не просто «ходящая во все стороны» шашка. Это абсолютный диктатор пространства. Одна дамка против трех простых на большой дистанции – почти всегда победа. Она создает *линейные* и *диагональные* угрозы, которых лишена простая шашка. «Дамка, – записал он каллигра-

фическим почерком, – есть качественное преобразование материала. Она меняет саму геометрию доски. Борьба в середине партии часто есть борьба за право этого преобразования».

И второе, более тонкое, но не менее важное: важность шашечного «темпа».

Темп в шашках – это не просто лишний ход. Это – *право на инициативу*, выкованное из позиции. Фома смоделировал десятки, казалось бы, равных позиций. И обнаружил: преимущество в один темп (когда ты заставляешь противника делать вынужденные, неудобные ходы) подобно крошечной трещине в плотине. При правильной игре эта трещина неизбежно ведет к прорыву – к выигрышу шашки, к созданию проходной, к получению дамки. Он нашел ключевой принцип: *«Во многих окончаниях и даже миттельшпилях побеждает не тот, у кого больше материала, а тот, у кого этот материал быстрее и организованнее движется к ключевым пунктам. Один темп стоит шашки».*

Однажды, под утро, после бессонной ночи, проведенной над анализом сложного окончания «дамка против двух простых», он откинулся на спинку стула. Глаза горели. Перед ним на доске стояла не просто позиция. Стояла формула. Цепочка ходов, ведущая к победе, была выверена с математической точностью. Ничего нельзя было изменить. Это был закон.

Он встал, подошел к окну. На востоке алела заря. Фома Фаустов смотрел на просыпающийся город, но видел бесконечные ряды клеток, по которым в идеальном, predetermined порядке двигались черные и белые кружки. Он больше не сомневался. В шашках была теория. Глубокая, элегантная, железная. И он, Фома Александрович Фаустов, был первым, кто начал различать ее контуры в хаосе практической игры.

Он чувствовал себя Колумбом, увидевшим на горизонте неведомую землю. Испытание теорией только начиналось, но первый, самый трудный рубеж был взят. Он доказал это самому себе. Теперь нужно было доказать это миру.

Глава пятая. Тайные партии

Лето 1884 года выдалось душным и тревожным. В Санкт-Петербурге, несмотря на белую ночь, нависшую над городом бледным покрывалом, воздух в кабинете Фомы Фаустова казался спёртым. Перед ним на столе лежали разрозненные заметки, исписанные геометрическими диаграммами шашечных позиций. Его собственная система – строгая, логичная, выверенная, – вдруг показалась ему мертвённой, лишённой дыхания. Он продумал дебюты, проработал эндшпили, но в середине игры, в этой хаотичной, кипящей середине, названной им «мезо-игрой», он чувствовал пробел. Не хватало огня. Не хватало жизни.

Именно тогда ему в голову пришла безумная идея, противоречащая всем его академическим принципам.

«Теория проверяется практикой, – напомнил он себе слова университетского наставника. – Но чьей практикой?»

Он знал о них по слухам. О шахматных и шашечных «королях» с Лиговки, с Сенной, с Петербургской стороны. Мужики, мастеровые, отставные солдаты, собиравшиеся в дымных трактирах «Вена» или «Капернаум», в сквериках у Гостиного двора. Они не читали книг. Они не знали систем. Они играли на деньги, на стопку чая, на выпивку. Они играли инстинктом, опытом, тысячами сыгранных за жизнь партий. Их игра была не из головы, а из нутра. Фоме нужна была эта первозданная сила.

Но явиться туда самому – профессору, известному в узких кругах теоретику – было невозможно. Его бы либо не приняли всерьёз, либо, что хуже, начали бы подыгрывать, польщённые вниманием. Нужна была тайна.

Помощь пришла откуда не ждал – от его младшего брата, Гавриила, студента-медика, человека общительного и ловкого.

«Гаврик, мне нужны партии. Не из клубов. С улицы. Самые что ни на есть корявые и дерзкие», – сказал ему Фома, положив на стол туго набитый кошель.

Гавриил ухмыльнулся: «У меня есть приятель, фельдшер. Он знает всех игроков с Щукина двора. Там собираются настоящие асы. Но, Фома, они играют на интерес. Без копейки в стол даже шашки не расставят».

«Пусть играют. Ты будешь моими глазами и руками. Запишешь партии. Запомнишь, что говорят. А я... я буду твоей куклой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.